

Говорящий гусь

Светлой памяти Жени Белоголовской посвящается

Это было — начало шестидесятых. Не много времени прошло с тех пор, как закончилась война. Я жил в Одессе — большом веселом городе на берегу Черного моря.

Мне было тогда двадцать два года, и в один прекрасный летний вечер я встретил девушку. Ее звали Соня, и я влюбился в нее с первого взгляда.

Мы были очень разными. Я был длинный и худой. Все мое тело состояло из странных остроугольных треугольников. Ко мне было опасно прикоснуться: лопатки, плечи, колени и локти — все это могло уколоть и причинить боль. В этом плане я, наверное, был скопирован моими родителями с Пикассовской картины кубистского периода. Моя худоба была главной причиной моей застенчивости и того, почему улыбка так редко появлялась на моем лице.

Мама часто говорила мне:

— Ты такой худой, потому что ничего не кушаешь целыми днями. Так откуда же возьмется мясо на твоих костях?

Не дождавшись от меня ответа, она продолжала:

— И что с того, что ты такой *хухым*? Ты же никогда не открываешь рот, чтобы сказать что-то умное. Только дантист может открыть твой рот. Разве я говорю что-нибудь не так? Скажи мне лучше, что за удовольствие получит девушка от такого парня, как ты? Только мигрень в голове.

Мама была всегда права. На людях я забивался в угол и молчал, как будто набрал полный рот воды. Только с Соней я чувствовал себя другим. Из меня сыпались истории, одна неправдоподобнее другой. Одни — пришли из моих снов, другие — я придумывал, сидя рядом с ней. Я читал ей свои стихи, перемешивая их со стихами знаменитых поэтов. Я врал без зазрения совести о моих грандиозных проектах и о книгах, которые будут напечатаны скоро. Я смотрел ей в глаза и не чувствовал угрызений совести за свое вранье.

Соня была прямой противоположностью мне. Все в ней имело мягкие закругленные формы. У нее были темные с рыжеватым отливом волосы и глаза, как маслины. Но не те дикие серовато-зеленые ягодки, которые растут на склонах Ланжерона и Аркадии, а те настоящие — греческие, большущие, черные, в которых горело страстное солнце Юга. Ее щеки были цвета спелого персика и пахли чем-то приятным, напоминавшем мне

еще довоенное детство. Я думаю, что Ренуар писал свои портреты с девушек, похожих на Сою.

Что еще разнило нас? Я был неисправимый мечтатель, полный идеями, которые выплескивались из меня ежедневно, как ежедневно выпекают хлеб или доят коров. Соня была реалисткой и пыталась смотреть на мир, отбросив розовые очки, которыми я, признаюсь, пользовался частенько.

Мы были разными, но в нас обоих созревала любовь. Она созревала, как созревает абрикос в пропитанном зноем июне. Тяжелый сочный плод уже был готов сорваться с ветки...

Кроме сильных чувств — что еще объединяло нас? Мы оба имели одну и ту же занозу, которая сидела глубоко в наших сердцах и причиняла боль. У нас обоих не было отцов — они погибли на войне.

Было еще одно общее у нас: мы были бедны. Мы были, конечно, богаче, чем попрошайки с еврейского кладбища на Слободке, но у наших мам не было ни малейшего шанса купить для нас даже самый дешевенький музыкальный инструмент. Ведь в каждой приличной еврейской семье ребенок должен был обязательно учиться музыке. К сожалению, этого не случилось в наших семьях. Нам выпала судьба, отличная от привычного стереотипа. Кто был виновен в этом? Нам говорили:

— Время было такое...

Мы видели друг друга каждый вечер. Обычно мы встречались в парке недалеко от дома, где жила Соня. В парке кроме нас не было ни души. Только вдалеке, где-то глубоко внизу, шумело море. Над нами было черное небо, покрытое звездами, которые залегли недвижно, как залегают уставшие овцы на пропекшемся полуденным зноем лугу. Ветер охлаждал наши тела, но нам было тепло оттого, что мы были вместе...

Однажды, когда начался дождь, мы прибежали из парка к Соне домой. Вид у нас был, как говорили в Одессе, "на море и обратно". Сонина мама долго глядела на нас, и потом, глубоко вздохнув, сказала:

— Послушайте, дети. Я думала, думала, и вот что я вам скажу. Хватит вам на холоде торчать — еще какую-нибудь хворобу поймаете. Вот эта комнатка — так она будет ваша. Как говорится — в тесноте, да не в обиде.

В тот же вечер мы решили, что свадьба будет в конце декабря.

Все одобряли мой выбор, кроме нашей соседки Ханы, которая, поймав маму за рукав, шептала ей в ухо:

— Это, конечно, не мое дело, мадам Гуревич, но надо быть последним *шмоком*, чтобы лезть из одной бедности в другую. Тысячу извинений, соседка.

День свадьбы приближался очень быстро. Осталось всего три недели. Соня тревожилась по поводу свадебного платья и туфель, но все надеялись, что с помощью ее дяди, который работал такелажником в грузовом порту, все будет улажено.

Более сложная ситуация была со мной. Тетя Рахиль при всяком удобном случае говорила мне на смешанном с идиш русском:

— Лёнчик, ты — *a гройсэр бухер* уже, но ты совершенно *бурвыс* и *нэйкет*.

Она была права — моя единственная тетя по папиной линии. Я и в правду не имел ни одной порядочной пары брюк и туфель. Но это не очень волновало меня, потому что моя сотрудница Рая обещала помочь. Она была очень целеустремленной женщиной, и хотела "сделать из меня человека".

— Хотя бы на своей свадьбе ты не будешь выглядеть, как халамидник! — кричала она.

Рая была непонятного возраста, высушенная, как будто ее продержали много лет в гербарии, маленького роста существо. Ее личико скрывалось за круглыми большими очками, сквозь которые просвечивались всегда улыбающиеся глаза. Она выглядела, как воробышек, но энергии в ней было, как у двух здоровенных мужиков. Разговаривала она, жестикулируя тонкими ручонками, помогавшими ей выплеснуть наружу эмоции. Ее длинные пальцы летали в воздухе перед моими глазами, а иногда от избытка чувств она упиралась ими в мою грудь с силой, источник которой был непонятен. Никто на работе не знал, сколько Рае лет, но все знали, что Раин отец был очень влиятельной фигурой в городе. Он заведовал большим промтоварным магазином, в котором было все, о чем мог только мечтать советский человек. С помощью своего отца Рая хотела одеть меня с ног до головы, и все были уверены, что она это сделает.

Кроме одежды очень важной частью подготовки к свадьбе было обеспечение продуктов для приготовления свадебного стола. Необходимо было достать много всяких вещей, но наиболее важными были гуси и рыба. Можете ли вы себе представить еврейский праздник, а особенно свадьбу, без гуся и *гифилты фиш*? Конечно, нет.

Главную роль в этом мероприятии было отведено сыграть Янкелю — Сониному отчиму.

Янкель был в своих ранних восьмидесятых, но здоровья и энергии в нем было хоть отбавляй, и это вопреки тому, что он отсидел десять лет в лагерях. Выжил он в лагерях, потому что, как он сам говорил, ему "было все до пуговицы".

Янкель был высокий, с маленькой головой, покрытой серым густым ежиком волос, и большим круглым, как раздутый до предела резиновый шар, животом, пришпиленным к низу его груди. Наиболее выдающейся частью его лица был, конечно, его нос. Это был не просто большой и мясистый нос. Этот нос улавливал даже малейший намек на появление где бы то ни было в городе дефицитного продукта, и как хорошо тренированная собака-ищейка, Янкель появлялся в магазине и, как правило, был в числе первых в очереди.

Янкель имел особый талант, силы и выносливость, позволявшие ему выстаивать иногда в изнуряюще длинных очередях, при этом давая отпор всем, кто посягался втиснуться до него, нарушая правила игры. Можно сказать, что он был настоящим волшебником, потому что купить в то время в магазине что-либо, и особенно купить гуся, было все равно что достать розу с Северного полюса.

Янкеля постоянная шутка была:

— Ленья, вы еще очень молодой, и вы не понимаете жизнь. Наверное, вам никто не говорил, что самая лучшая в мире рыба — это жареный гусь.

Я не был согласен, но никогда не спорил с ним.

Янкель привык брать быка за рога, поэтому когда по дому разнесся слух, что на Дерibasовской "выкинули" гусей, он, несмотря на то, что до свадьбы было еще далеко, решил брать их — пока дают. Было еще темно, когда Янкель первым трамваем уехал за покупками в центр города, и было уже темно, когда он возвратился. Он стоял по несколько часов в длинных очередях и привез домой в своем огромном саквояже три красавца — три золотых откормленных гуся.

Янкель был очень горд собою. Это благодаря ему запеченные в духовке надменные жирные гиганты с животами, распухшими от яблок и слив, будут не только украшать свадебный стол, но и одурманят своими запахами всю округу.

Люба — Сонина мама — была тихой женщиной, и она считала, что Янкель был прав, когда он взял быка за рога. Она никогда не спорила с ним, но в тот раз уверенность мужа не передалась ей, и чувство тревоги, как змея, приползло в ее сердце. Дело в том, что по причине бедности холодильник в то время был для наших семейств так же недостижим, как недостижимы звезды в небе, и гусей вывесили за окном на морозе. Будучи вовсе не религиозной, Люба, тем не менее, день и ночь просила Бога продержаться мороз подольше, чтобы гуси, висевшие за окном, могли дотянуть до того момента, когда Сонина тетя Фира возьмется за них. Люба просила Бога, и Бог обещал хранить холод так долго, как он сможет.

Итак, все, вроде бы, шло гладко. К гусям присоединилась позже рыба, и они вместе наслаждались чистым морозным воздухом за окном. Платье и туфли для Сони, а также костюм и шляпа для меня были чуть ли не на полпути из магазина, и наша соседка Хана наконец привыкла к мысли, что я не женюсь на богатой девушке.

Медленно и счастливо мы приближались к последней неделе перед свадьбой. Но, как это часто бывает, неприятности ударяют без предупреждения. Неожиданно ветер, дувший с севера, поменял направление, и массы теплого воздуха с юга ворвались в наш город. Туман и непрекращающийся день и ночь дождь превратили город в мрачное серое чудовище. Это был удар, которого никто не ожидал, и всех больше он был для Любы и для Янкеля. Продукты, висевшие за окном, конечно, не продержатся еще десять дней. Люба была в слезах и пила валерьянку, а Янкель грозился убить главного метеоролога города.

Только один человек был спокоен и по-прежнему улыбался. Это была моя тетя Рахиль. Как она призналась потом — она не спала всю ночь, но зато на следующее утро она ни свет ни заря появилась у Любы с замечательной идеей. Вот что она сказала, прежде чем переступила порог:

— Что вы себе делаете *цурис* с ерунды? Так мы сыграем свадьбу на неделю раньше. *А ицым паровоз!* А не дай Бог отравить гостей с вонючими гусями — будет красиво?

После непродолжительных дебатов Рахилина идея была принята, и мы известили наших гостей прийти на неделю раньше.

Конечно, не все были рады этому. Не у всех были готовы наряды и подарки, не все дамы сделали прически и маникюр, но это были мелочи в сравнении с той катастрофой, которая, не про нас будь сказано, могла произойти.

Свадьба должна была состояться в воскресенье в нашей квартире, состоящей из двух небольших комнат на втором этаже старого обшарпанного дома. Мама одолжила столы, стулья и посуду у соседей и родственников. Потом целый божий день вся *мишпуха* перетаскивала приготовленную еду от Сони к нам, меся грязь на тротуарах, затопленных растаявшим снегом.

К вечеру все было готово для приема гостей. Родственники расселись в большей комнате, и каждый имел тарелку, вилку и стакан. Друзья и соседи, оказавшиеся в маленькой комнате, не все имели такой *мазл*. Не-

сколько человек оказались без стаканов для выпивки, и им срочно во избежание волнений принесли пол-литровые алюминиевые кружки.

Родственники — более привилегированные гости — имели на своем столе два гуся, но зато вторая комната по недосмотру Янкеля имела больше бутылок водки, что могло привести к беспорядкам в ближайшем будущем. Но в тот момент все как будто были настроены мирно.

Гости сидели, раздвинув как можно шире локти, чтобы иметь больше пространства для орудования стаканом и вилкой. Перед носом у каждого, с трудом уместившиеся на столе, стояли блюда, ломившиеся от еды и издававшие запахи, с которыми простому смертному было трудно совладать. Несмотря на соблазн опрокинуть стакан, наполненный водкой, еще десять минут назад, и конечно, хорошо закусить, люди сидели молча, ожидая чего-то. Но как долго голодный человек мог терпеть такое испытание?

Первым не выдержал напряжения мой троюродный брат Сашка, у которого была кличка "Без пол-литра не разберешься". Он вскочил со стула и закричал:

— Кого еще мы ждем, *хаверым*? Пора выпить за наших молодых!

Его жена, известная на весь город парикмахерша Клава, большой, как лопата, рукой посадила мужа на место:

— Стыд на тебя. Ты уже просто умираешь, что не можешь сожрать свой стакан водки? Неужели ты не знаешь, кого мы ждем?

Она была очень возбуждена, и ей так же, как Сашке, наверное, хотелось выпить и закусить, но она ждала, когда самый толковый человек в нашем семействе произнесет свой тост. Большинство гостей знало, что дядя Сема готовил этот тост последние две недели, и готовы были ждать еще пять минут, но не более.

Тишина уже не сулила ничего хорошего, и когда раздался голодный голос: "Дядя Сема! Дядя Сема! Тост, тост!" — зажатый между столом и подоконником Сема начал свой тост.

Его коньком вот уже много лет были: "Обрезание — для всех" и "Голодание — это хорошо". Но сегодня почему-то он начал издалека — с революции, когда его дядя сражался с контрреволюционерами, а потом сам в 1937 году стал врагом народа и исчез навсегда, как исчезла "краковская" колбаса при Хрущеве. Когда Сеня плавно входил в тему войны с Гитлером, гости уже были готовы громить все и всех, особенно те, кто были во второй комнате. Они были голодные и не хотели ждать, пока племянник великого революционера приступит к рассказу о том, как было тяжело в те времена найти раввина, чтобы сделать обрезание нынешнему жениху.

— Довольно! Остановите его, или я за себя не ручаюсь! — стонал сосед Изя, старый холостяк, контуженный на войне.

Дядя Сема был образованный человек, но он не подозревал, что животное начало в человеке так опережает духовное, и то, что он услышал от Изи, подкосило старого марксиста-ленинца. Сема почувствовал себя очень плохо. Его жена Ида, сидевшая рядом с ним и чувствовавшая его боль как свою, пыталась дать ему таблетку валидола, которую всегда хранила в кармане.

Сидевший рядом Миша, краснощекий гигант — бывший майор НКВД, а в то время заведовавший гастрономом, заметил Идины намерения:

— Идочка, это не поможет. Я дам ему что-то получше, — и он налил ему полный стакан водки.

Потом Миша перехватил инициативу. Еврей-богатырь держал стакан, полный водки, у своего сердца. Затем он оглядел гостей с высоты своих почти двух метров и, повернув голову в нашу сторону, прогремел:

— Давайте выпьем за детей! Будем здоровы, и они вместе с нами. *Ле хаим!* Горько!

С того момента водка полилась, словно река в половодье. Все пили многократно за Сонечку, за меня, за родителей и всех родственников — присутствующих и отсутствующих. Дело дошло до того, что мой начальник по работе предложил выпить за товарища Ташмана, который починил заводскую печь. И все с удовольствием выпили за никому не известного товарища с красивой еврейской фамилией.

Я тоже выпил за Ташмана, потому что после множества тостов в честь молодоженов мне уже было все равно, за кого пить. Дело в том, что мой стакан никогда не был пустым. Он постоянно наполнялся чьей-то очень заботливой рукой, несмотря на протесты Сонечки.

Не помню, в какой момент ощущение времени и пространства исчезло из моего сознания. Сонечка тоже исчезла, и я заметил, что мое тело не имеет веса. Будучи невесомой пылинкой, я был готов взлететь, как откуда ни возмись милиционерша, громадная, как гора Чумка, вытащила меня из комнаты в черноту ночи. Она вела себя пренаглейшим образом, пытаясь убедить меня, что это она любила меня, а не Соня, и что если я разведусь с Соней, она заберет меня в Узбекистан, где мы будем днем выращивать хлопок, а вечерами пить чай с урюком. Еще она обещала защитить меня от происков дяди Семы и Сашки, которые хотели обратить меня в хиндуизм... Когда милиционерша хотела поцеловать меня, я оттолкнул

ее. Ее реакция была многообещающей. Она выхватила пистолет из кобуры и выстрелила в воздух.

Я не знаю, чем бы это все кончилось, если бы в нашем окне не зажегся свет, и в нем не появилась голова Янкеля в генеральской папаше и с медалью "За отвагу" на лацкане пиджака.

— Эй, стерва! Чего к моему зятю пристаешь? — заревел он на всю улицу.

— Ты, старый козел, это он ко мне пристаёт! — милиционерша выстрелила в его сторону, промахнулась и, явно расстроенная, бросила в меня: — С вами, евреями, иметь дело — все равно что писать против ветра.

Она сунула пистолет в кобуру, смачно сплюнула и ушла...

Сознание вернулось ко мне, и я понял, что нахожусь во дворе нашего дома. Странные мысли лезли в мою голову:

— Почему я здесь? Где моя невеста и где все гости?

Я был один. Холодная ночь окружала меня. Мягкие снежинки медленно падали с неба, покрывая землю. Наконец небеса сжалились, и зима возвратилась в город.

— Спасибо, Господи, что ты не забыл нас. Ничего, что это случилось поздновато. Еда уже не должна быть холодной, потому что ее уже, наверное, нет и в помине. Гости, должно быть, прикончили ее этой ночью.

Я побежал к себе. Шум стоял невообразимый. Одни пели, другие пытались танцевать под патефон в неизмеримо малом пространстве, но большинство гостей продолжали пить и требовали еды.

Соня сидела на том же самом месте, где я покинул ее, окруженная пьяными мужиками. Она была бледна, и глаза в слезах. Я никогда раньше не видел ее в таком состоянии.

Этой ночью мы делали свои первые совместные шаги в будущее, и они оказались не такими, как нам хотелось. Сколько же еще разочарований лежало впереди? И сколько радостных дней ожидало нас? Я молил Бога помочь нам...

— Где ты пропадал? — Соня встретила меня. — Ты можешь освободить меня от этого кошмара? Бежим отсюда...

Мы вышли на улицу. Снег продолжал падать, покрывая дома и деревья. Мир и тишина наполнили ночь. Только одно окно было освещено. Это было наше окно. Вдруг Сашкина голова высунулась из него:

— Горько! Горько!

Эхо от этих странных слов еще долго стояло в ночи, и наконец, тишина пришла снова.

Мы не возвратились домой. Мы гуляли по спящему городу до утра, до тех пор, пока все гости не покинули нашу квартиру. Моя мама встретила нас:

— Слава Богу, наши лунатики возвратились. Не думаете ли вы, что пора завтракать? Я уверена, что вы голодные, как волки.

Она повела нас на кухню. На столе еще было несколько блюд, и в одном из них, как ни странно, была почти половина гуся. Его голова лежала мирно, с закрытыми глазами. Вдруг один глаз моргнул дважды. Потом гусь открыл рот и ясным громким голосом произнес:

— Все ваши гости хотели меня, но я дожидался вас. Будьте счастливы, ребята.

Гусь закрыл рот, и кухня погрузилась в тишину.

Мельбурн

